УДК 821.161.1–3

АННА АХМАТОВА В ВОСПОМИНАНИЯХ СЕМЬИ ПУНИНЫХ (ОБ ОТНОШЕНИЯХ АХМАТОВОЙ И ПУНИНЫХ)

Павлюк А.В., аспирант

Харьковский национальный педагогический университет имени Г.С. Сковороды

В статье рассматриваются противоречивые отношения, сложившиеся между великой русской поэтессой и семьей ее мужа, искусствоведа Н.Н. Пунина. «Семейственность» отношений, заявленная Пуниными, опровергается в различных письмах и воспоминаниях многолетней наперсницы Анны Андреевны Л.К. Чуковской.

Ключевые слова: мемуарная литература, объективность воспоминаний, биография, публикация, статья, очерк.

Павлюк А.В. АННА АХМАТОВА У СПОГАДАХ РОДИНИ ПУНІНИХ (ПРО ВІДНОСИНИ АХМАТОВОЇ ТА ПУНІНИХ) / Харківський національний педагогічний університет імені Г.С. Сковороди, Україна.

У статті розглядаються складні стосунки, які виникли між великою російською поетесою та родиною її чоловіка, мистецтвознавця М.М. Пуніна. «Родинність» стосунків, яка була заявлена Пуніними, заперечується багаторічною подругою Анни Андріївни Л.К. Чуковською в різних листах та спогадах.

Ключові слова: мемуарна література, об'єктивність спогадів, біографія, публікація, стаття, нарис.

Pavlyuk A.V. ANNA AHMATOVA IN THE MEMOIRS OF PUNIN'S FAMILY (ABOUT RELATIONS BETWEEN AHMATOVA AND PUNIN'S FAMILY) / Kharkiv National Pedagogical University by G.S. Scovoroda, Ukraine.

The article deals with complicated relations between great Russian poetess and family of her husband. Punin's family proclaimed the friendly relations, but it was rejected by Chukovskaya in her letters and memoirs.

Key words: memoirs literature, objectivity of memoirs, biography, publication, article, essay.

Воспоминания о жизни и творчестве Анны Ахматовой по своему объему занимают существенное место в мемуарной литературе XX века. Многие из тех, чьи судьбы каким-либо образом пересеклись с судьбой поэтессы, написали о ней. Однако, рассматривая мемуары об Ахматовой, необходимо учитывать степень близости авторов воспоминаний к Анне Андреевне и специфику их отношений. Ни для кого не секрет, что вокруг поэтессы, особенно в последние годы жизни, было много людей. По словам Маргариты Алигер, «она любила крутню вокруг себя и сама называла ее «ахматовкой»» [1, 368]. Данный факт подтверждается и в воспоминаниях Н.Ильиной: «Последние годы своей жизни она допускала к себе всех, кто хотел ее видеть, и круг ее знакомых расширялся безудержно…» [2, 591]. Поэтому наиболее ценными для исследователей являются воспоминания многолетних друзей и родственников Ахматовой.

В некоторых источниках содержатся указания на ближайшее ахматовское окружение. Аманда Хейт, биограф Ахматовой, в книге «Анна Ахматова. Поэтическое странствие» включает Виктора и Михаила Ардовых, Лидию Чуковскую и Анатолия Наймана в список людей, к которым она обращалась с вопросами библиографического и текстологического характера, тем самым подтверждая их компетентность во всем, что касалось творчества поэтессы. Также Хейт повествует о зарождении дружбы между Ахматовой и Чуковской [3, 112], о ее сотрудничестве с Найманом [3, 193], о московском доме поэтессы – семье Ардовых, в котором Ахматова провела в общей сложности около двадцати лет.

Своеобразный список людей из ближайшего ахматовского окружения приводит Лидия Корнеевна Чуковская в своих «Записках об Анне Ахматовой». Друзья, навещающие Ахматову в больнице во время третьего инфаркта: Нина (Ольшевская – А.П.), Ника (Глен – А.П.), Толя (Найман – А.П.), Мария Сергеевна (Петровых – А.П.), Иосиф (Бродский – А.П.), [4, 310]. В список «самых близких и преданных ее (Ахматовой – А.П.) друзей» Михаил Ардов включил Эмму Григорьевну Герштейн, Николая Ивановича Харджиева, Марию Сергеевну Петровых и саму Лидию Корнеевну Чуковскую [5, 21].

Л.К. Чуковская в «Доме Поэта» рассказывает о дружбе, связывающей Анну Андреевну с семьей Нины Антоновны Ольшевской и ее мужа Виктора Ардова: «…у многих своих друзей и знакомых живала Ахматова в Москве – у Петровых на Беговой, у Глен на Садовой, у Большинцовой в Сокольниках, у Шенгели, у Раневской, у Харджиева; во время войны, в 1941, – у Маршака, в шестидесятых у Западовых, у Алигер, – всюду любовно и самоотверженно заботились о ней хозяева; но «у Ардовых на Ордынке…»– это был постоянный, привычный адрес Ахматовой в Москве; квартира, где она была окружена сначала детьми, потом подростками, потом юношами – тремя мальчиками и их друзьями, выросшими у нее на глазах; она

дружила со всеми троими вместе и с каждым порознь, и ей было радостно общаться с этим детством, с этой юностью» [6, 47].

Помимо московской семьи Ардовых, в жизни Ахматовой была и другая семья – ленинградская, Пуниных. В книге «Анна Всея Руси» И.Я Лосиевский отметил: «Пунины в Ленинграде и Ардовы в Москве – две семьи, в которых прошли отведенные ей судьбой годы. Здесь она была не «знаменитой Ахматовой», не Анной Андреевной, а Акумой (прозвище, данное ей еще В.К. Шилейко)» [7, 93].

В отличие от Ардовых, Ирина Николаевна Пунина провела рядом с Ахматовой почти 44 года (с 1922 года, когда Анна Андреевна стала женой ее отца, исскусствоведа Н.Н. Пунина). Однако вопрос родственных отношений между двумя женщинами и, соответственно, объективности воспоминаний И.Н. Пуниной является весьма спорным. Цель данной статьи: попытаться разобраться в нем.

В последние 10-15 лет появилось много публикаций, раскрывающих особенности общения между Ахматовой и Пуниными. Некоторые из них принадлежат членам семьи Пуниных, которые отстаивают «семейственность» их отношений с поэтессой. Так, в журнале «Звезда» [8, 131-159] была опубликована «семейная переписка А.А. Ахматовой». По словам автора публикации, Л.А. Зыкова (мужа А.Г. Каминской, дочери И.Н. Пуниной), «Ахматова …не любила писать письма, некоторые потом сама уничтожала, тем не менее сохранилось около 40 писем и телеграмм Ахматовой к Пуниной и Каминской и более 70 писем к ней». (Письма хранятся в семейном архиве И.Н. Пуниной, за исключением одного от 18 ноября 1958 года, находящегося в РНБ). В переписке видна постоянная, деятельная, часто взаимная, забота Ахматовой о семье И.Н. Пуниной, повседневные темы переплетены с литературными делами Ахматовой. Л.А. Зыков обращает внимание на то, что после разрыва брака с Н.Н. Пуниным в 1938 году «…Ахматова продолжала жить в одной квартире с Пуниным и его семьей в Фонтанном доме, туда же она вернулась летом 1944г.» [8].

Автор публикации настаивает на том, что затруднительное положение, в котором оказалась Ахматова после постановления 1946 года, а также арест Н.Н. Пунина и Л.Н. Гумилева в 1949 году еще больше сплотили семью. По словам Зыкова, Ахматова была верна этому союзу до конца своих дней. После ознакомления со статьей складывается впечатление, что поэтесса не представляла себя без Пуниных, иначе чем объяснить ее отказ разъехаться с Ириной Николаевной и ее дочерью и соединиться с сыном, который в 1956 году вернулся из заключения?

Публикация Л.А. Зыкова перекликается со статьей А.Г. Каминской «О завещании А.А. Ахматовой», в которой автор подчеркивает: «Анна Андреевна Ахматова прожила с моей мамой Ириной Николаевной Пуниной под одной крышей больше сорока лет, переехав в 1924 году в Фонтанный дом к Николаю Николаевичу Пунину, когда его дочери Ире Пуниной едва исполнилось три года. С этого времени и до конца своих дней, с перерывом на эвакуацию, Анна Андреевна прожила с нами. В те редкие моменты, когда мы расставались, возникала ничем не омрачаемая на протяжении всей жизни переписка» [9]. «Редкими моментами» порознь А.Г. Каминская, очевидно, называет практически двадцать лет, проведенных Ахматовой в Москве, о чем было сказано выше.

Многолетняя наперсница поэтессы Лидия Корнеевна Чуковская подвергает серьезным сомнениям родственные отношения между Ахматовой и Пуниными. Писательница не отрицает факт их совместного проживания после развода Анны Андреевны с Николаем Николаевичем. Однако на момент начала постоянных встреч Чуковской с Ахматовой (с осени 1938 года по 1941гг.), по словам Лидии Корнеевны, «никакого общего быта, хозяйства тогда, в те годы, у Анны Андреевны с семьей ее бывшего мужа не было; тогда это были просто соседи по квартире, и притом – неприязненные» [10]. В то время Чуковская «встречала Ирину Николаевну в кухне, в коридоре, на лестнице, но в комнате у Анны Андреевны не видела ее ни разу» [10].

Об Аничке Каминской и Ирине Пуниной Чуковская как в своих книгах, так и в переписке, в основном, повествует в отрицательном ключе. Для подкрепления своей позиции она приводит в «Записках» слова Ахматовой: «Ирочка и Аничка никогда не помнят ничего, что меня касается. Они хотят жить так, будто меня не существует на свете. И им это удается вир-ту-о-зно!» [4, 277]. Чуковская пишет: «Из одного случайного разговора с Никой (Глен – А.П.) мне стало известно, что, уезжая из дому, Анна Андреевна никогда своих бумаг дома – т.е. Аничке и Ирочке – не оставляла. Уехав за границу, оставила все у Ники, уехав в Домодедово – у М.С. Петровых» [11, запись от 9.08.1966]. Лидия Корнеевна не просто не доверяет Пуниным, но часто упрекает их в отсутствии заботы об Анне Андреевне: «Во мне не жалость, а злость. Дом – стены, окна, крыша, стол, стул, постель – у Анны Андреевны все это есть – там, дома, в Ленинграде, да еще «Будка» впридачу. Но ведь настоящий дом – это не стены и крыша, а забота. Ирочка и Аничка видно не очень-то. Хотя в Ленинграде Союз Писателей в писательском доме предоставил квартиру Ахматовой (не Пуниным), они, живя с нею, не считают себя обязанными создавать в этой квартире быт по *ее* образу и подобию, – быт, соответствующий *ее* работе, *ее* болезни, *ее* нраву, *ее* привычкам. Сколько бы они ни усердствовали, выдавая себя всюду за «семью Ахматовой» – это ложь. Никакая они не семья. Я-то ведь помню Ирину в тридцать восьмом году, как она обращалась с Анной Андреевной еще в Фонтанном Доме. Здешние друзья, принимая Ахматову, хотя и продолжают собственный образ жизни… умеют устраивать

так, чтобы, живя у них, жила она на *свой* лад. Потому, видно, и наезжает Анна Андреевна так часто из Ленинграда в Москву» [4, 26-27]. Данное мнение полностью разделяет А.Г. Найман. В «Рассказах о Анне Ахматовой» он, в частности, пишет: «Ирина Николаевна Пунина… и Аня Каминская… не могли уделить ей (Ахматовой – А.П) достаточно внимания… Нина Антоновна Ольшевская, у которой она чаще всего останавливалась в Москве, Мария Сергеевна Петровых, Ника Николаевна Глен, в разное время дававшие ей пристанище, были самоотверженны, были по-настоящему добры к ней, предупредительны. Однако это были приюты, не свой дом» [12, 8].

Отсутствие родственных чувств к Ахматовой со стороны Пуниных подтверждает и тот факт, что через несколько месяцев после смерти Ахматовой ее могила, согласно записям Л.К. Чуковской, была «…уже в забросе…» [11, запись от 29.06.1966].

Негативное отношение Чуковской к Пуниным во многом обусловлено не только их безразличным отношении к Ахматовой, но и скандально известным судебным процессом из-за ахматовского архива. После смерти Ахматовой Лев Николаевич Гумилев изъявил желание подарить архив матери Пушкинскому дому. Однако фактически бумаги находились в квартире Пуниных. Каждая из сторон имела свою точку зрения на наследство, и разногласия довели дело до суда, который состоялся в феврале 1969 года. По словам Чуковской, Ирина Николаевна собиралась судиться с Левой, «…доказывать, что они семья, а не он семья» [11, запись от 31.07.1966]. Известная своим правдолюбием, Чуковская не опровергает привязанность Ахматовой к Пуниным, но вместе с тем не скрывает своего удивления по поводу факта распоряжения Ириной Николаевной архивом поэтессы. В письме Л.К. Чуковской директору института русской литературы В.Г. Базанову (от 27.12.1967г.) писательница называет И.Н. Пунину «катастрофой» на пути ахматовского архива. В этом же письме Чуковская пишет: «Анна Андреевна безусловно была в какой-то мере привязана и к Ирине Николаевне, и к Ане, в особенности к Ане и в особенности в последние годы» [10]. «И Пунины по-своему были безусловно привязаны к Анне Андреевне. Анна Ахматова всю их жизнь, с детства и одной и другой, была для них человеком привычным, домашним, «своим» [10].

По словам Л.К. Чуковской, Ахматова «…никогда не считала И.Н. дочерью, но все же она о ней заботилась (во имя отца)…» [13, письмо от 8.12.1996]. «Когда, после смерти Ахматовой, архив ее оказался в руках Пуниной, меня это несколько удивило: Ирина Николаевна не принадлежала к числу душевно близких Анне Андреевне людей», – отмечала Л.К. Чуковская [10].

В тетрадях «После конца» содержится запись о встрече Чуковской с И.Н. Пуниной. Лидия Корнеевна негативно отзывается о Пуниной, награждая ее довольно нелестными эпитетами: «Жалкая, темная, больная, неглупая, жадная» [11, запись от 31.08.1966]. Здесь же содержатся и прямые обвинения И.Н. Пуниной в том, что она «…торгует дневниками Анны Андреевны, ее жизнью…» [11, запись от 16.10.1966]. В письме В.М. Жирмунскому от 30.01.1969г. Лидия Корнеевна называет И.Н. Пунину «…ловкой и бессовестной интриганкой» [13]. Так, по мнению А.Г. Наймана, отраженному в записях Чуковской «После конца», «…Анну Андреевну и Леву ссорила Ира» [11, запись от 7 мая 1966]. Именно поэтому Лев Николаевич не проведывал Ахматову в больнице во время последней болезни, хотя собирался.

В примечаниях, составленных Еленой Чуковской и Жозефиной Хавкиной к тетрадям Л.К. Чуковской «После конца», акцентируется внимание на сложном отношении Лидии Корнеевны к Пуниным: «Отношение Лидии Корнеевны к Пуниным было сложным» [11, сноска №60]. В одном из писем В.М. Жирмунскому (от 8.12.1966г.) она писала: «Вот мы с таким ожесточением говорим об И.Н. и Ане, а ведь А.А. любила Аню и всегда заботилась о деньгах, квартире, даче для этой семьи. Если бы сейчас А.А. вошла в эту комнату, она, наверное, решила бы так: пусть И.Н. и Аня получат деньги, а рукописи будут пусть не у них и не они пусть занимаются печатаньем… Это правда. А.А. хотела, чтобы Аничка могла наряжаться, чтобы И.Н. могла лечиться и пр. Ради этого она, тяжко больная, в 76 лет брала нелюбимую работу – переводы… Но как исполнить ее волю? Как сделать, чтобы они не имели касательства к рукописям, но получали деньги?» [13]. По словам Лидии Корнеевны, Пунины никогда не интересовались литературными делами Ахматовой: «Все понимают, знают твердо: А.А. своими литературными делами никогда с И.Н. и Аней не делилась и представить себе не могла, чтобы ее бумаги оказались у них в руках… Она Пуниных по-своему любила (особенно Аню); привыкла заботиться об этой семье; но стихи? это было совсем, совсем не для них» [13, письмо от 19. 07.1966].

После судебного процесса И.Н. Пунина и А.Г. Каминская неоднократно предпринимали попытки оправдать свою позицию в прессе. Поэтому мемуарные очерки И.Н. Пуниной об Ахматовой, опубликованные в сборнике «Воспоминания об Анне Ахматовой», имеют четкую направленность. Складывается впечатление, что целью Пуниной является демонстрация крепких родственных отношений с Ахматовой, несмотря на несносный характер последней.

В самом начале очерка «Об Анне Ахматовой и Валерии Срезневской» Пунина обосабливает свое положение среди других мемуаристов: «В последние годы жизни Анна Андреевна иногда повторяла: «На земле только три человека говорят мне «ты»: Валя, Ирка и младшая Акума»» [2, 20]. Очевидной целью подобного обособления является закрепление себя на позиции человека, близкого Ахматовой, хорошо разбирающегося

в особенностях ее биографии и характера. Однако очерк полон противоречий. Например, Валерию Сергеевну Пунина называет «…единственным человеком, дружеские отношения с которым Анна Андреевна поддерживала всю свою жизнь…» [2, 20]. При этом доподлинно известно о других, не менее прочных и долгих, дружеских отношениях поэтессы – с семьей Ардовых, Л.К. Чуковской; с М.Л. Лозинским дружба продолжалась до самой его смерти в 1955 году. Далее И. Пунина представляет мачеху целеустремленной, в чем-то эгоистичной личностью, «безжалостно» разрывающей отношения, утратившие актуальность: «В своем творчестве и в человеческой судьбе Анна Ахматова шла твердо, уверенно, целеустремленно, интересовавшие ее в юности, в молодости поэты, друзья, знакомые в дальнейшем, как бы исчерпав ее интерес к ним, отстранялись ею, иногда даже безжалостно. Ее душа, ее творческая сущность жаждали нового общения, новых открытий. Почти до самых последних лет жизни она редко обращалась к прошлому, прежние знакомства и дружеские связи поддерживала лишь иногда, временами» [2, 20]. На самом деле случаев «безжалостного» разрыва отношений в биографии Ахматовой немного, а для поддержания «знакомств» поэтессе не приходилось прикладывать каких-либо усилий – люди сами тянулись к ней. Одни были покорены талантом Анны Андреевны, других привлекали ее человеческие качества – глубокая мудрость, прозорливость в сочетании с необыкновенным чувством юмора и замечательной афористичной речью.

Вспоминая о детских годах, Пунина обращает внимание читателей на то, что Анна Андреевна «…не любила, презирала дачную жизнь» [2, 22]. Она создает портрет этакой светской львицы, барыни: «Акума не принимала участия ни в прогулках, ни в домашних заботах, не играла с детьми. Утром она подолгу спала, проснувшись, лежа читала» [2, 24]. Факт «презрения» Ахматовой дачной жизни весьма сомнителен: во многих мемуарных очерках упоминается о том, что Анна Андреевна обожала прогулки, купания, общение с природой. Впрочем, через несколько абзацев Пунина сама пишет, что «Акума охотно купалась, заплывала от нас очень далеко» [2, 24].

На страницах очерка Ирина Николаевна представляет Ахматову в образе прагматичного человека, лишенного каких-либо иллюзий. По мнению мемуаристки, «…склонность к трезвой практичности…» [2, 25] была одной из черт, которые особенно импонировали поэтессе в Срезневской. При этом широко известно, что практичностью Ахматова не отличалась, презирала быт и, естественно, не могла по достоинству оценить практичности других. Совершенно очевидно, что подобному восприятию Ахматовой способствовала специфика семейных отношений между ней и падчерицей.

Свою жертвенность и преданность Ахматовой И.Н. Пунина подчеркивает в очерке «Сорок шестой год…». По словам Ирины Николаевны, она «…воспротивилась давлению (Арктического – А.П.) института и не согласилась оставить Анну Андреевну одну» [2, 471], хотя ей с мужем предлагали трехкомнатную квартиру на Театральной площади. «Наконец в марте 1952г. после почти трех лет мытарств и постоянных оскорблений со стороны администрации Арктического института, ценой невероятных усилий и большой потери жилплощади мне удалось обменять квартиру на Фонтанке и комнату моего мужа на четырехкомнатную квартиру по ул. Красной Конницы. Квартира понравилась А.А…» [2, 472]. На страницах очерка Пунина постоянно акцентирует внимание на «подвигах», совершенных ею во имя Ахматовой. Узнав о трагическом для Анны Андреевны постановлении 1946 года, Ирина Николаевна срочно возвращается из Риги, отдав за билеты «…не только все деньги, но и часть своей одежды» [2, 468]. В дальнейшем для спасения мачехи ей приходится «организовать» совместное питание. Нет нужды подчеркивать неискренность подобных жертв. Подлинные чувства Пуниной к Ахматовой отражены в тетрадях Чуковской «После конца». Так, запись от 31.08.1966 указывает на то, что отношение Ирины Николаевны к Ахматовой проявляется в «гадостях об Анне Андреевне: – Она всегда выбивала меня из бюджета…– Она всегда звала меня при других, чтобы дать деньги. – «Ира, вот тебе 100 рублей», а наедине и рубля не даст. Когда я сказала, что Лева очень обидел Толю, Нику и Эмму Григорьевну, сказав, что опись будет «дорого стоить!» (в то время как они, разумеется, работали бы безвозмездно), она ответила: – Это у него от Анны Андреевны: все мерить на деньги» [11].

В очерке «Анна Ахматова на Сицилии», датированном декабрем 1987 года, И.Н. Пунина повествует о поездке Ахматовой в Италию в 1964 году, в которой Ирина Николаевна сопровождала поэтессу и всячески ухаживала за ней. Мемуаристка делает акцент на своей значимости для Анны Андреевны. Текст насыщен упоминаниями о различных услугах, оказанных Пуниной, и во многом напоминает список добрых дел: «я получила ключ от номера», «я пошла к администратору», «я дала ей бутерброды», «я сделала (ей – А.П.) прическу», «я позвонила Суркову», «я достала водку и закуски» [2, 663-668]. При этом налицо скептическое отношение Ирины Николаевны к особенностям восприятия Ахматовой, которая из совершенно обычных эпизодов поездки создала целые «новеллы».

Таким образом, несмотря на длительный период общения с Ахматовой, мемуарные очерки И.Н. Пуниной и различные публикации членов ее семьи нельзя назвать объективными и полными. Основная задача мемуаристов в данном случае сводится не к тому, чтобы воспроизвести портрет Ахматовой, а чтобы объяснить или оправдать собственные мотивы поведения, связанные с разделом ахматовского архива. Тем

не менее, история отношений поэтессы с семьями Ардовых и Пуниных, без сомнения, представляет интерес и заслуживает дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алигер М. Тропинка во ржи. – М.: Советский писатель, 1980. – 400с.
2. Виленкин В.Я. Воспоминания об Анне Ахматовой: сборник / В.Я Виленкин, В.А. Черных. – М.: Советский писатель, 1991. – 720с.
3. Хейт А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие. – М.: Радуга, 1991. – 384с.
4. Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой. / Л.К. Чуковская. – М.: Согласие, 1997. – Т.3 (1963-1966). – 544с.
5. Ардов М.В. Легендарная Ордынка // Новый мир. – 1994. – №4.– С. 3 – 171.
6. Чуковская Л.К. Сочинения: в 2-х т. / Л.К. Чуковская. – М.: Арт-Флекс, 2001. – Т.2: Дом Поэта. – 688с.
7. Лосиевский И.Я Анна Всея Руси. – Харьков: Око, 1996.– 368с.
8. Зыков Л.А. Из семейной переписки А.Ахматовой // Звезда. – 1996. – №6. – С.131-159.
9. Каминская А.Г. О завещании А.А. Ахматовой // Звезда. – 2005. –№5. – С. 190-203.
10. Письмо Л.К. Чуковской директору института русской литературы В.Г. Базанову от 27. 12. 1967 // www.chukfamily. ru.
11. Чуковская Е.Ц. После конца. Из «ахматовского» дневника // http://www.magazines.russ.ru.
12. Найман А.Г. Рассказы о Анне Ахматовой. – М.: Художественная литература, 1989. – 302с.
13. Чуковская Е.Ц. Приключенческий роман с неожиданными поворотами сюжета. Из переписки В.М. Жирмунского с Л.К. Чуковской (1966 – 1969) // http://www.magazines.russ.ru.